

диал. *ча*, вопрос. местоим. 'что, чего?'. Достаточно указать на практически обязательное наличие в последнем случае формы родительного падежа соответствующего местоимения (**čego*, ср. **česo*), что лишает упомянутое отождествление смысла. Изложенными соображениями я хотел бы показать нецелесообразность праславянской реконструкции и выделения в виде самостоятельных словарных статей двух слов, с которых начинается буква *č* в словаре польских коллег.

Проблематичны, далее, праславянские реконструкции вроде *čarьkati* (стр. 111: чеш. диал. *čarkat*, слвц. *čarkat'*, словен. *čarkati*, сербохорв. *čarkati*, болг. диал. *čapkam*). Почему не *čarьkati*, что было бы логичнее в плане фонетико-морфологической эволюции? Впрочем, еще лучше было бы эшелонировать эти явно более поздние экспрессивные формы, так сказать, вторым рядом, подчинив их праславянской реконструкции *čarati*. В статью *čeba* (стр. 120) попадает в качестве примера «с вокализмом *-i-*» явный тюркизм болг. *чичék* 'цветок'. Непонятно, зачем потребовалась отсылочная форма непраславянского вида *česalьka zob. česadlo* (стр. 172). При включении слов в качестве заглавных в словник праславянского словаря ожидалось бы более строгое соблюдение реконструируемых особенностей фонетики и морфологии праславянского языка.

По недосмотру одно и то же слово — словен. *čeden* 'чистый, опрятный, пригожий' — получает в рецензируемом словаре две совершенно разные праславянские реконструкции и разные этимологические интерпретации: на стр. 191 оно помещено под заглавным словом *čedo* 'потомок, дитя' и, следовательно, понимается как первоначальное **čьdьnъ*, тогда как на стр. 308 это же самое слово реконструируется как праслав. *čьdьnъ* и на основании устаревшей этимологии Исаченко производится из и.-е. *(*s*)*kīd-*, родственного слав. *čistъ*. Мы вынуждены отвергнуть как первую, так и вторую интерпретацию «Праславянского словаря», поскольку и семантически, и формально словен. *čeden* 'чистый, опрятный' тождественно русск. диал. *чэредный* 'чистый, опрятный', ср. также *чередить* 'чистить, убирать' и всю славянскую лексику, объединяемую гнездом **čerda*, **čerditi* (некоторая затемненность формы относящихся сюда словен. *čeden* 'чистый', *čediti* 'чистить' элементарно объясняется склонностью словенского языка к подобным упрощениям сочетаний согласных, ср. словен. *čez* и *črez* 'через').

Вместо реконструкции *čьtorьja* (стр. 255) на праславянском уровне точнее говорить о *čьtorьja* тем более, что в качестве аналогии тут же привлекается праслав. *vľ'ko-vьja* (а не *vľ'ko-vьja*).

Сербохорв. диал. (переселенческое, в Чехословакии) *znešvarit* 'загрязнить', по-видимому, заимствовано из лексического гнезда слвц. *švarny*, чеш. *švarný* 'чистый', диал. *ošvarit* 'очистить', польск. *szvarny*, которые связаны как будто с лит. *švarūs* 'чистый, опрятный' и не имеют, как и упомянутый островной диалектизм, ничего общего с лексикой, помещенной в «Праславянском словаре» под заглавным *čvariti* 'болтать', 'ворожить' (стр. 299).

О. Н. Грубачев

F. S ł a w s k i.

Słownik etymologiczny języka polskiego. T. V, zes. 1

1 (21): *Łasia* — *łatka* 2. Kraków, 1975

Новый том V регулярно рецензируемого нами польского этимологического словаря Ф. Славского открывается весьма обширным «Дополнительным списком сокращений» (стр. 1—14), где приводится разнообразная использованная литература, источники, словари (отметим опечатку на стр. 9: *Räsenen*, надо *Räsänen*).

Основное содержание первого выпуска этого тома — слова на букву *Ł* (продолжение). Небольшие размеры выпуска, а также склонность автора к экстенсивной трактовке словарного материала позволили включить относительно небольшое количество слов, среди которых выделяются *łasica*, *łaska* и производные, *łata* (ряд омонимов), *ława*, *łaz*, *łazić*, *łag* и некоторые

другие. Как видим, в настоящем выпуске преобладает весьма древняя славянская лексика со своими специфическими этимологическими проблемами. Для слова *lasica* 'зверек ласка *Mustela nivalis*' автор повторяет старую этимологию от слабо засвидетельствованного (вторичного?) цветообозначения **lasъ*. В статье о названии этого зверька ожидалось бы хотя бы элементарное привлечение данных семантической типологии, которые свидетельствуют об образовании названий ласки в разных языках от слов с первоначальными значениями 'красотка', 'кумушка' и некоторых других явно ласкательных обозначений женщины. Эти данные как будто подсказывают другую этимологическую связь (со слав. **lasika* 'любовь, ласка'), на которой автор остановился слишком бегло. Наши расхождения с автором в этом вопросе распространяются и на другие слова гнезда: у Славского *lasica* 'ласка-животное' не относится к гнезду *lasika* 'милость', см. *lasika* 1, даже абсолютно тождественное последнему по форме *lasika* 'ласка-животное', сюда не относится, по мнению Славского, и трактуется как омонимичное *lasika* 2. На праславянском уровне вопрос этой омонимии Славский решает таким образом, что *lasika* 2 у него реконструируется как **lasъka*, а *lasika* 1 — как **lasika*. Звукокомплекс **lask-* является скорее всего первоначальным для всех соответствующих форм праславянского, где он унаследован от более раннего времени, ср. прежде всего лат. *lascivus* 'своенравный, распущенный, сладострастный'. В то же время функция *-k-* как славянского суффикса производных форм — продукт вторичного осмысления этого древнего корневого детерминатива уже на славянской почве. Формы без *-k(-las-)* целесообразнее поэтому толковать как обратные производные от *lask-*. Таковы польск. *lasić się* 'ласкаться' и его соответствия в других славянских языках (см. стр. 18), *lasy* 'жадный, падкий на лакомства' (стр. 30—31).

Из любопытных лексических уникумов, включенных автором в словарь, упомянем относящиеся к обсуждаемому выше семейству слов польск. стар. редк. *laskotka* 'ласточка' из рукописи первой половины XVIII в., хранящейся в Библиотеке имени Ленина (стр. 28).

Заслуживает внимания оригинальная этимология, которую Славский избирает, вслед за Вайяном, для польск. *lata* 'кусок ткани, материи для починки дырявого места' — из праслав. **ōlta*, т. е. с акутовой интонацией, возможно, в таком случае из **olata* (у автора — по Вайяну — из **olhtā* < **elh-* 'прокалывать, пришивать кожу, ткань', в конечном счете к индоевропейскому названию шила — **elā*, др.-в.-нем. *āla*, др.-инд. *drā*). Сильный аргумент этой этимологии — дометатезные реликты болг. диал. (родоп.) *almiŭca* 'небольшая латка под мышкой', макед. *almiŭca* 'латка, лоскут', наряду с *lamiŭca* (см. стр. 35). От вышеупомянутого *lata* 1 без надобности отделено *lata* 2 'оборванец', 'негодяй', не более как переносное употребление одного и того же слова.

С обычной для автора скрупулезностью даются все производные формы в отдельных словарных статьях, ср. напр. гнездо слова *lawa* (стр. 48 и след.).

Количество омонимов **lazъ* (три, см. стр. 56—59) могло бы быть сокращено, если и не сведено вовсе до минимума, потому что реально речь идет скорее о едином **lazъ* от глагола **laziti*, польск. *lazić* и родственных, по-видимому, с первоначальной очень емкой семантикой: 'ходить, лазить', 'доставать, выгребать и т. п. при этом', ср. у Славского, стр. 57—58 — польск. диал. *łażony dół* 'выкопанная в земле яма', русск. диал. *лазить нчёл* (у него же, стр. 66). Уместно при этом высказать замечание, что и по части соответствующих глаголов омонимическая трактовка у Славского также представляется нам преувеличенной: нам кажется естественным говорить о едином польском глаголе *lazić*, обнаруживающем в той или иной мере перечисленные выше значения или употребления, а Славский говорит о *lazić* 1 'медленно двигаться, тащиться, лазить', затем о *lazić* 2 (ст.-польск.) 'выбирать пчел и мед из борти', засвидетельствовано только с приставкой *po-lazić*, и о *lazić* 3 'копать, рыть' на косвенном основании упомянутого производного диал. *łażony dół*; *lazić* 2 и *lazić* 3 при этом даны под звездочкой.

К числу полезных уточнений принадлежит указание на заимствованное происхождение (из украинского) польского слова *laziwo* 'вид лестницы

у бортников' (стр. 68—69), ошибочно относимого в известной книге Дзедзевского к числу общих украинско-польских инноваций.

О. Н. Трубачев

V. Š a u r.

Etymologie slovanských příbuzenských termínů.

Praha, 1975

Почти каждое новое поколение лингвистов пишет свою историю терминов родства. В. Шауру принадлежит самый новый труд на эту тему. Неоднократно обращаться к истории и этимологии обозначений родственных отношений побуждает сама древность этой группы лексики, сложность проблемы, а также естественный приток нового материала и обогащение новыми аспектами. Автор хорошо знает историю научных исследований славянских и индоевропейских терминов родства (правда, в списке использованной им литературы на эту тему мы не находим книги П. А. Лавровского «Коренное значение в названиях родства у славян», СПб., 1867).

Потребность в новой этимологической ревизии материала автор объясняет тем, что индоевропейская этимология прошлого, в частности XIX века, интерпретировала термины родства, опираясь целиком лишь на свои собственные достижения, при зачаточном еще состоянии развития исторической этнографии. Типологии общественного развития у разных народов автор справедливо уделяет большое внимание, принимая для праиндоевропейцев полигамию и сложные семейные связи кровных родственников. Можно согласиться с Шауром, что возможности приложения данных сравнительно-исторической этнографии к славянской лексике родственных отношений, очевидно, еще не исчерпаны. Вместе с тем ясно, что главным аспектом изучения терминов родства для нас был и остается лингвистический аспект. Этот аспект сейчас даже приобретает новую актуальность на фоне разросшейся антропологической литературы о «системах родства» у разных народов. Естественно при этом исследователю-лингвисту искать в своем материале не одни только подтверждения показаниям антропологии, но и автономные свидетельства, которые способен дать лексический материал, оригинально отражающий и преломляющий реальные отношения. Думаю, что и для автора этот план был в конечном счете наиболее интересным, потому что он пишет: «Наше исследование возникло при работе над Этимологическим словарем славянских языков. . .» (стр. 5). На тех же самых основаниях я в своей краткой рецензии ограничусь лишь некоторыми замечаниями этимологического и в целом лингвистического порядка в связи с выходом этой полезной работы.

Автор совершенно правильно ищет истоки формирования славянской терминологии родства в индоевропейском. Однако его собственное представление об индоевропейском периоде истории этой лексики как будто недостаточно расчлениено. Это находит выражение в некоторой непоследовательности авторских реконструкций. Давая на стр. 16—17 праиндоевропейские формы в основном развитого флективного типа **viros*, **g^henā*, **bhrātēr*, **snusos*, В. Шаур считает возможным поставить в одном ряду с ними явно дофлексивную реконструкцию **ǵemə* (на стр. 57, 59: **ǵem(ə)*). Не совсем ясно, почему автор всерьез обсуждает версию отглагольного происхождения и.-е. **pātēr* 'отец' < 'genitor' (стр. 22—23). Одной параллели с и.-е. **mātēr* 'мать' достаточно для того, чтобы исключить такую мысль и констатировать производность от слов «детской речи» **mā-*, **pa-*. Необходимо согласиться с тем очевидным обстоятельством, что более сложное и наделенное особенностями корневого имени образование **mātēr*, **pātēr* вторично по сравнению с простейшим **mā-*, **pa-*. Переход к таким специальным обозначениям, наверное, состоялся после перехода от полигамии к моногамии (терминология обычно фиксируется с опозданием перемены в мире реалий и реальных отношений). Специализация, вызванная необходимостью выделить «своего» отца, в лингвистическом плане выразилась как нельзя более удачно с помощью пространственно-компаративного форманта *-ter-*. Поэтому мы не можем сочувствовать предположению автора о наличии тут особого слова и.-е. **tēr-* 'родственник'